

Маруани Д.

ЭТО и есть **ДИДЬЕ МАРУАНИ** — 37-летний французский композитор, певец, музыкальный деятель, лидер прославленной группы «Спейс», автор загадочно-красивой «Космической оперы», которая вместе с советским космонавтом Романенко побывала даже в космосе... Летом, когда Дидье приезжал к нам для участия в благотворительной акции Москва — Брест — Берлин в пользу жертв Чернобыля, он подарил мне пластинку с записью своей «Космической оперы». И теперь я понимаю, где витает его душа.

написал песню для своей мамы. И она была исполнена и записана.

Видите ли, я жил в классической музыке с пяти лет, учился серьезно, постигал фортепиано, сольфеджио, композицию и вознаграждал себя в виде отдыха сочинением таких простых песен в традиции шансонье.

— Однако же вы кончали Парижскую консерваторию. У кого?

— Сначала я учился в музыкальной академии Монако, а в 15 лет переехал в Париж и поступил в консерваторию, где

1917-1991

пою, потому что здесь, в Советском Союзе, как певца меня не знают.

— Ваш тринадцатилетний сын Себастьян тоже увлечен музыкой?

— О нет, он вряд ли будет музыкантом. Он увлечен компьютерами и информатикой. Хотя... если поразмыслить, это не так уж далеко от музыки.

— Но сын близок вам духовно? Он интересуется вашей деятельностью?

— Надеюсь. Я стараюсь делать все, чтобы он разделял мои идеи. Вот уже поч-

— Видите ли, музыкальный театр — это совсем иная форма художественного выражения. Совсем иная... Но если бы даже такая идея и возникла, ее бы трудно было осуществить. Во Франции это потребовало бы невероятных расходов. Один мой друг, известный во всем мире такими постановками, как «Революция», «Отверженные», когда захотел создать свой собственный музыкальный театр, вынужден был покинуть Францию и переехать в Лондон. Единственное, что я знаю наверняка: у меня появилось очень большое же-

— Именно. Хочу соединить симфонический оркестр и группу синтезаторов.

— И какова же идея вашей «Космической оперы»?

— Зерно идеи, если можно так сказать, заключается в себе мысль о том, чтобы соединить в этой опере две державы, которые стояли у истоков освоения Космоса: Советский Союз и Америку. Именно поэтому мне хотелось, чтобы в исполнении оперы участвовали американские и советские хоры. Потому что именно эта идея — идея объединения — была для меня главной. Между прочим, как это ни смешно сейчас, в 1987 году, когда мы записали оперу на фирме «Мелодия», было достаточно трудно соединить на одном диске два таких хора, как американский хор Гарвардского университета и хор Краснознаменного ансамбля имени Александрова. Мне понадобилось тогда... восемь месяцев для переговоров с Министерством культуры СССР, чтобы получить разрешение на участие советского хора вместе с американским. И вот не прошло и трех лет, как налицо прогресс удивительный! Теперь подобных проблем, можно сказать, не существует.

— И как продвигается ваш проект, связанный с постановкой «Космической оперы»?

— Может быть, пока рано говорить об этом готовящемся событии в деталях, но этот проект — одна из главных причин моего нынешнего приезда. Чтобы осуществить его, мне придется приезжать сюда хотя бы один раз в месяц, чтобы встречаться с людьми и высокопоставленными руководителями, которые мне помогают. Ведь постановка связана с решением достаточно трудных задач — и художественных, и организационных, и политических, связана даже с организацией безопасности... Я думаю, что все люди, которые заинтересованы этим проектом, могут принять в нем участие, чтобы оказать помощь в его осуществлении. Тем более что это может стать очень большим и в своем роде даже амбициозным событием культурной жизни.

— Вы хотите в июне 1992 года учредить новый праздник для советских людей, для Москвы?

— Да, возможно, это станет новым праздником... Во всяком случае, это будет грандиозное зрелище, праздник музыки и света. И это будет зрелище бесплатное.

— Как отнеслись вы к последним политическим событиям в Советском Союзе? К военному перевороту, к революционным действиям демократических сил?

— Я всем своим сердцем был с советским народом. Все три дня я следил за событиями по телевидению. Вместе с вами переживал все, что происходило. Думаю, ваша страна получила теперь большой шанс, чтобы перейти в новое качество. Можно сказать, с самого начала перестройки я как бы живу вместе с вашей страной. Приезжая к вам всякий раз, я чувствую, что жизнь идет вперед, что-то неизбежно изменяется. Кстати, и во Франции развитие демократии идет тоже не так быстро, как хотелось бы людям. Уже 200 лет! И все же нельзя сказать, что Франция современная — полностью демократическая страна. Деяния многих ее политиков отнюдь не отвечают требованиям демократии. Демократии нужно учиться. Нужно быть терпеливыми. И — работать!

— Какой вам видится роль интеллигенции в современной ситуации?

— Интеллигенция, мне кажется, при-

звана корректировать политические направления, а иногда и формировать их. Благодаря своим знаниям, своему уму интеллигенция дает ориентации в отношении будущего. Не случайно разумные политические деятели часто обращаются к представителям интеллигенции. Это делает, например, Миттеран. Интеллигенция в конце концов — это те люди, которые создают фундамент в развитии человечества. И, разумеется, они оказывают глубокое влияние на общественное и культурное развитие. Интеллигенты, правда, всегда немного утописты, но в этом их сила.

— Дидье, вы большой любитель и знаток живописи, коллекционер. В прошлый раз вы приобрели в Бресте две акварели. Одна из них, помнится, — зимний пейзаж, выдержанный в достаточно строгой традиции...

— Тот зимний пейзаж полностью отражал мой вкус. Для меня живопись — это непосредственное отражение какого-то момента. Вот я это вижу — и мне это нравится. Так же, как и в музыке: я слышу — и мне эта музыка нравится или не нравится. Я не люблю живопись, которую еще надо «объяснять».

— Много ли русских сувениров в вашей парижской квартире?

— Есть чудесные рисунки, акварели, живопись, есть маленькие русские куклы, очень красивые. Есть, между прочим, интересная фарфоровая пепельница с маркой «Россия», подаренная мне в качестве сувенира в ресторане гостиницы... Время от времени я ем икру. Очень ее люблю.

— Красную или черную?

— Черную... Знаете, я где-то внутренне, наверное, похож на русских, а точнее — советских людей. Я чувствую, что это совершенно особая какая-то нация: в ней особое великодушие, особая страсть, которую можно уловить в глазах, в движениях, в манере поведения, в том, как они говорят. Если молодая девушка преподносит мне розу во время концерта, она это делает совсем не так, как это делают во Франции или других странах. Это совершенно другое движение. И я вижу: она вкладывает в это движение всю свою душу, всю любовь. Великодушие состоит не в том, что ты можешь вытащить из кармана какую-то там монету и отдать ее. Великодушие — это когда отдаешь другому часть своего сердца...

— Вы однолюб? Любите ли свою жену?

— Я думаю, любить нужно прежде всего **ЖЕНЩИНУ** в великом значении этого слова, **ЖЕНЩИНУ-ЖИЗНЕСОЗДАТЕЛЬНИЦУ**. Поскольку женщина создала нас, то мы и не можем не любить женщину как таковую. Ну, разумеется, я люблю свою жену.

— Испокон веков талант любви был приоритетом французов. Большое ли место в вашей жизни занимают женщины?

— Да, конечно. Женщины, и Жена моя в частности, это **МУЗЫ**, которые нас вдохновляют. Я из тех людей, кто считает, что женщины сильнее нас, мужчин. Но лучшие женщины те, которые умеют заставить нас думать, что все-таки мы, мужчины, сильнее.

— Если осуществится ваш проект постановки «Космической оперы», ваша жена приедет в Москву?

— О да. И жена, и сын. Это слишком большое событие, я надеюсь.

— Будем ждать и надеяться. До скорых встреч!

Беседу вел
Тамара ГРУМ-ГРЖИМАЙЛО.

КОМПЬЮТЕР-МЭН С РЮ АСЮМПСЬЁН

Моск. космополит. — 1991 — 19 окт.

когда он говорит о космической идее единения людей. В этой грандиозной электронно-хоровой композиции живут не только вихревые, изящные и привлекательные ритмы современной рок-музыки, но и древние хоральные гармонии, возвращающие нашу память в глубь истории, и нечто божественное, вселенское, как бы вырастающее из хоровой декламации IX симфонии «Обнимитесь, миллионы»... Он хочет соединить два бездонных мира — Музыку и Космос — и найти в этом слиянии духовный приют для всех людей. Он удивительно щедр и великодушен, этот Дидье Маруани, который сам убежден, что чем-то внутренне похож на советских людей. Так или иначе, начиная с 1983 года, когда на гребне славы группа «Спейс» впервые приехала в Москву, он почти каждый год бывает теперь в нашей стране, а в нынешнем — это уже четвертый его приезд. Он полон планов, которые связаны не только с музыкой, но и с живописью, и с театральными идеями. Именно в Москве он мечтает воплотить один из самых своих грандиозных постановочных проектов...

— Дидье, вы гастролеровали в нынешнем году в Москве, Киеве, Санкт-Петербурге, Бресте. Здесь много ваших поклонников. Довольны ли вы своими встречами с ними?

— Мало сказать — доволен. Это было похоже на ситуацию, возникающую иногда между мужчиной и женщиной, которые когда-то любили друг друга и расстались, а через семь или восемь лет вновь обрели друг друга, почувствовали взаимную любовь. И должен сказать: эта любовь была, пожалуй, даже ярче, чем в 1983 году. Ко мне подходили прямо на улицах и благодарили даже за мой приезд на гастроль в 1983 году. Они еще помнят! А ведь приехать к вам тогда было значительно труднее, чем теперь. Но те, кто слышал меня в 83-м, передают свои воспоминания обо мне своим детям. И сейчас можно сказать: уже новое поколение советских людей меня знает.

— Ваш романтический внешний облик соответствует ли вашему типу мышления? Считаете ли вы себя романтиком?

— Если романтизм — это вечное желание выразить свои чувства, свою страсть, свои настроения, то я считаю себя большим романтиком... И в то же время я очень твердо стою на земле. Мне даже часто говорят: у тебя голова где-то там, в звездах, а ноги все-таки на земле. А знаете, это, может быть, потому, что я очень высокого роста...

— Похоже, вы были вундеркиндом. Когда вы сочинили свое первое произведение?

— Мне было одиннадцать лет. Я

занимался сольфеджио и композицией у Анри Шалье, большого мастера, у которого учились многие известные музыканты, в том числе Мишель Легран.

— Но вы пошли своим путем, избрав электронику... Не так уж много музыкантов, кто, получив классическое образование, переключается на рок, тем более ищет «третий стиль».

— Сначала я много гастролеровал, выступал как певец. Когда же прикоснулся к синтезатору, я понял, что этому инструменту принадлежит будущее.

— И что же натолкнуло вас на вашу музыку будущего? Какие влияния, какие музыкальные потрясения испытали вы?

— Я уверен, что более всего на меня повлиял Шопен. Да-да, в годы моих занятий классической музыкой — именно Шопен, его изумительные мелодии. Чувства, заложенные в его музыке, как бы дали мне понять, что мы очень близки друг другу.

— И что же, утонченная мелодия для вас и сейчас главная ценность в музыке?

— Безусловно. Мелодия — это все-таки самое главное, где бы она ни звучала: будь то рок или классическая симфоническая музыка. Потому что именно на мелодию прежде всего откликается слушатель своей душой, своими чувствами. Кстати сказать, я признаю таких композиторов, как Пьер Булез или Ксенакис. Эти музыканты много сделали для эволюции музыки и композиторской техники. Но, честно говоря, меня их музыка не трогает, ибо в ней полностью отсутствует мелодия.

— Что музыкой вы хотели бы сделать для людей?

— Откровенно говоря, когда я начинаю сочинять музыку, вначале я очень эгоистичен, потому что прежде всего хочу выразить себя, свою душу, свои стремления, свою страсть, если хотите. То есть выразить то, что мне дано Богом. Я считаю: первое побуждение, первая цель творческого человека — выразить себя! И только потом, когда произведение становится достоянием людей, доходит до слушателей и они дают понять творцу, что эта музыка помогает им мечтать или любить, — только тогда ты начинаешь осознавать, что нужен людям. В какой-то момент я перестал выступать как певец. Я не пою больше. Я чувствую, что главная моя стихия — музыка инструментальная. Но тем не менее, скажем, на последних гастролях я пел одну песню, очень сильную по смыслу. Она называется «Мой реверанс». Это история человека, который подводит какие-то итоги жизни, достаточно горькие. Там есть, например, такие слова: «Когда мой сын не будет больше нуждаться во мне, я просто поклонюсь ему, скажу «прощай» и уйду...». Конечно, многие были удивлены, что я

Дидье МАРУАНИ: «Женщины — это музы, которые нас вдохновляют»

ти десять лет я стараюсь передать ему любовь к Советскому Союзу, к вашей культуре, вашему народу. Через меня он в общем познает вашу страну. В общем, это неплохой маленький человек пока. И он уважает меня как отца, в чем-то восхищается мною. Я надеюсь, что сумею внушить ему свои идеи и мысли.

— Дидье, а нет ли у вас идеи создать свой театр, какую-то театральную феерию в новых формах?

— Хотите соединить звучание классических оркестровых инструментов с электроникой?

— Интеллигенция, мне кажется, при-